

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-337-359

УДК 821 2-3, 82.0, 821.161.1

Чудо в молочной лавке: К типологии «эмигрантского» романа

© 2020, Т.В. Марченко

Аннотация: Феномен Али Рахмановой — успешной в Европе 1930-х русскоязычной писательницы Галины Дюрягиной-Хойер, все книги которой были изданы по-немецки в переводе ее мужа, Арнульфа Хойера и до сих пор не известны русскому читателю, — необычайно увлекателен с точки зрения типологии эмигрантской прозы. Творчество плодотворной писательницы, автора трех десятков книг, было чрезвычайно разнообразным, однако особой популярностью пользовался ее роман «Молочница в Оттакринге» (1933), не только не утративший своей актуальности, но звучащий остро современно как «эмигрантский» роман особого типа. В дневниковой форме на основе личного опыта писательница пишет историю успеха. Дипломированный филолог, Аля Рахманова (традиционно писательницу именуют по ее литературному псевдониму) была вынуждена временно стать продавщицей в арендованной молочной лавке. Этот опыт «иностранки», ее национальной и социокультурной идентичности, адаптации и в конечном итоге успешной интеграции отрerefлексированы в дневниковом автобиографическом романе Али Рахмановой. Немаловажно, что успеху «Молочницы из Оттакринга», автор / героиня которого балансирует между сферами «своего» и «чужого», во многом способствовала русская составляющая в книге, появившейся сразу на немецком языке. Русские реалии, русский менталитет, ностальгия по родной стране, которой буквально пронизано все повествование, особенно привлекали читательскую аудиторию. Одним из важных маркеров «русскости» становится цитирование русской литературы. Но это не просто введение цитат в текст, а переосмысление, собственная интерпретация, спор с классикой. В статье разбирается несколько примеров такого цитирования (Ф.М. Достоевского, А.В. Кольцова, А.Н. Плещеева, З.Н. Гиппиус). Одна из записей дневникового автобиографического романа приведена в приложении к статье в переводе с немецкого языка.

Ключевые слова: эмигрантская проза, «эмигрантский» роман, Аля Рахманова, адаптация, интеграция, национальная и социокультурная идентичность, русская литература, литературная цитата, художественный перевод

Информация об авторе: Татьяна Вячеславовна Марченко, д.ф.н., зав. отделом Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: tvmarch@mail.ru

Цитирование: *Марченко Т.В.* Чудо в молочной лавке: к типологии «эмигрантского» романа // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 337–359. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-337-359

В 2019 г. под редакцией О.А. Коростелева и С.Н. Морозова вышла книга первая посвященного Ивану Бунину 110-го тома из серии «Литературное наследство»¹. Проект «академического Бунина», задуманный Олегом Коростелевым широко, с размахом и научным блеском, только начал разворачиваться, когда его идеолога, его души и главной движущей силы не стало — в год 150-летнего бунинского юбилея.

Занимающая четыре пятых громадного тома переписка четы И.А. и В.Н. Буниных поражает — при само собой разумеющемся превалировании частных, семейных вопросов в эпистолярном обсуждении — широким срезом жизни, прежде всего эмигрантской и не только литературной, вовлеченностью в нее сотен людей, разнообразных житейских историй, мыслей и соображений разного рода. В этой переписке упомянуто такое количество имен и событий, что комментарий к ней, вероятно, превосходит все уже существующие справочники по русской эмиграции. И это письма только за те небольшие периоды в совместной жизни, когда Вера Николаевна и Иван Алексеевич бывали в разлуке!

Письма В.Н. Муромцевой-Буниной намного длиннее и обстоятельнее. Писатель занят творчеством, а его жена, как домашняя газета, добросовестно информирует его обо всем происходящем в микрокосме их дома и в макрокосме русского зарубежья. Так, из Парижа весной 1936 г. Вера Николаевна пишет мужу в Грасс о «возмутительном» происшествии — об отмене папой римским результатов конкурса Католического института на лучший антибольшевистский роман², когда все премии достались русским писателям. Неудивительно — кто лучше мог знать и живописать разрушительную для вековых традиций психологию большевизма, как не эмигранты из советской России? Под надуманным предлогом премий (второй и третьей соответственно) были лишены Т. Таманин (Т.И. Манухина) и И.С. Лукаш, «мякнули» и немалые деньги³. Вторую премию в результате получил некий австрийский иезуит, третья досталась П.Н. Краснову (пафос его творчества в целом прямо соответствовал целям конкурса), но первая премия в размере 20 тысяч франков никаким перераспределением не подвергалась.

¹ Литературное наследство. Т. 110. И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М., 2019.

² Там же. С. 804.

³ Там же. С. 805.

За роман «Фабрика нового человека»⁴ ее была удостоена русская писательница Аля Рахманова.

На обороте титульного листа романа на немецком языке, выпущенного, как и другие книги автора, издательством Антона Пустета в Зальцбурге, сказано: «Переведено с русского авторского оригинала д-ром Арнульфом фон Хойером». Аля Рахманова (Alja Rachmanowa, первоначально Alexandra) — псевдоним. Настоящее имя писательницы — Галина Дюрягина; А. фон Хойер — ее муж и переводчик на немецкий язык. Поскольку ни одна из многочисленных книг Али Рахмановой не публиковалась по-русски, а выходили они сразу в немецком переводе, имеет смысл говорить о симбиозе автора и переводчика, Галины и Арнульфа Хойеров (в России их фамилия транслитерировалась как Гоер; в 1918 г. частица «фон» в Австрии была официально отменена). Феномен Али Рахмановой — писательницы, необычайно популярной в короткий промежуток времени между выходом первой книги из ее дневниковой трилогии и аншлюсом Австрии гитлеровской Германией (1931–1938) — лишь недавно стал предметом научного изучения⁵, а в России первые исследования появились несколько лет назад⁶.

Между тем в Европе интерес к писательнице никогда не угасал, в Австрии это хорошо известное литературное имя, в Вене и в Зальцбурге в ее честь установлены мемориальные доски, по

---

⁴ *Rachmanowa A.* Die Fabrik des neuen Menschen. Salzburg, 1935. В издании «И.А. Бунин. Новые материалы и исследования» ошибочно «Фабрика новых людей» — вероятно, с ориентацией на неверный перевод в одной из наших публикаций (см. сноску б).

⁵ Отправной вехой следует считать обработку и описание архива Хойеров в городском архиве Фрауенфельда (кантон Тургау, Швейцария) базельским славистом Генрихом Риггенбахом. См.: *Riggenbach H.* Inventar des Nachlasses von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer): Werke, Briefe, Tagebücher. Frauenfeld, 1998; *Riggenbach H.* Der Nachlass von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer) in der Kantonsbibliothek Thurgau. Zürich, 2010.

⁶ *Марченко Т.В.* Аля Рахманова: русская писательница как феномен немецкой литературы // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2014. № 5. С. 753–770; *Марченко Т.* «Не нужно ненавидеть, нужно только любить»: феномен Али Рахмановой // *Pisarki Rossyjskiej Zagranicy w literaturze, kulturze i korespondencji. Serija «Luminarze Rossyjskiej Emigracji».* Т. VII / pod redakcją Barbary Kosak, Iwony Anny NDiaye. Olzstyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2016. S. 65–84; *Марченко Т.В.* По параллельному руслу: об Але Рахмановой и ее автобиографической трилогии // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2017. № 7. С. 164–181.

ее книгам ставят спектакли⁷, ей посвящают выставки⁸. Самое полное на сегодняшний день жизнеописание Али Рахмановой с приложением полусотни фотографий выпустила И. Штар⁹. Время от времени книги Али Рахмановой переводят и изучают — например, о «Фабрике нового человека», вышедшей на французском языке, недавно писал М. Никё¹⁰. Не только художественная проза, но теперь уже и оригинальные русские дневники писательницы опубликованы на немецком языке¹¹. В России «известная русская писательница» остается неизвестной именно своими произведениями. Парадоксальность ситуации легко объяснима: на прочие иностранные языки Алю Рахманову переводят с немецких изданий. Но если в этих изданиях сказано, что это — перевод «с русского оригинала», то о каком переводе на русский язык может идти речь?

Ситуация с архивом писательницы рассматривалась подробно Г. Риггенбахом, он же предложил некоторые объяснения к лакунам в русскоязычной части архива, относящимся прежде всего к автобиографической дневниковой трилогии¹². Нам уже приходилось касаться двух первых частей этой эго-эпопеи, показавшейся необычайно увлекательной довоенному европейскому читателю: первая часть — это «дневник русской студентки» («Студенты, любовь, Чека и смерть»), вторая — «дневник молодой женщины» («Браки в красную бурю»)¹³. Как явствует из названий, в обеих частях речь идет о России в годы революции и Гражданской войны. Действие

⁷ Так, 6 марта 2019 г. в Театре Форум Швехат состоялась премьера «музыкального ревью-воспоминания о венских двадцатых» «Молочная лавка в Оттакринге» — «вечер для двух актеров и пианиста о родине, чужбине, беженстве, вере и самостоянии» (из рекламного буклета).

⁸ В Берлине, в Мемориальной библиотеке памяти жертв коммунизма (Gedenkbibliothek zu Ehren der Opfer des Kommunismus) развернута постоянная экспозиция «Утопия и террор. Аля Рахманова и Александр Солженицын» («Utopie und Terror. Alja Rachmanowa und Alexander Solschenizyn»: <http://gedenkbiobliothek.de/index.php?mid=ausstellungen>

⁹ *Stahr I.* Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring. Alja Rachmanowa. Ein Leben. Mit 58 Abbildungen. Wien, 2012.

¹⁰ *Niqueux M.* La Fabrique des hommes nouveaux (1935) d' Alia Rachmanova ou la résistance à la «nouvelle morale» // La revue russe. 2012. Vol. 39. P. 83–92.

¹¹ *Rachmanowa A.* Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön: Tagebücher 1942 bis 1945 / hrsg. von H. Rigggenbach. Salzburg, 2015.

¹² *Riggenbach G.* Аля Рахманова — Галина фон Хойер: поэзия и правда // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2017. № 7. С. 131–163 [пер. с нем.]

¹³ *Rachmanowa A.* Symphonie des Lebens (Meine russischen Tagebücher). <Bd I> Studenten, Liebe, Tscheka und Tod. Tagebuch einer russischen Studentin. Salzburg, 1931. <Bd II> *Rachmanowa A.* Ehen im roten Sturm. Tagebuch einer russischen Frau. Salzburg, 1932.

третьей части — «Молочница в Оттакринге»¹⁴ — разворачивается в Вене. Название каждой из частей режет русское ухо; возможно, чета Хойеров предоставляла в издательство рукопись сочинения, где главным было жанровое определение «дневник» — трилогию Али Рахмановой ценили именно за документальность, — а название было дано уже при подготовке к печати.

Итак, «Молочница в Оттакринге» — это «дневник русской женщины», первым тиражом выпущенный под псевдонимом Александра Рахманова. Место действия — Вена, время действия — с 25 декабря 1925 г. по 7 сентября 1927 г.; заключительная запись сделана в Зальцбурге и датирована 2 августа 1930 г. Некоторые сведения о том, как писались и переводились книги Али Рахмановой, какая зыбкая грань отделяет в них фактографическую достоверность от вымысла, подлинный документ (аутентичный дневник) от беллетристики, можно почерпнуть в ряде работ на русском и немецком языках¹⁵; по этим работам можно ознакомиться и с биографией писательницы. Не будем повторяться, но попытаемся дать некоторое представление о самой прославленной части романной (дневниковой и автобиографической) трилогии писательницы — знаменитой и неизвестной, русскоязычной, чьи книги существуют лишь на иностранных языках.

«Молочница в Оттакринге» начинается с точных координат гео-поэтики эмиграции. В самой первой записи, протоколирующей при-бытие в чужую страну семьи «изгнанников»¹⁶, появляются основные архетипы человеческого бытия и выстраиваются в четкую оппозицию родина — чужбина. Архетипы *дороги* и *дома* переосмысляются в новой — эмигрантской — социокультурной идентичности. *Путь* (не просто железнодорожный маршрут Москва — Вена, но жизненный путь) — кончается скамейкой в парке, типичным прибежищем

¹⁴ *Rachmanowa A. Milchfrau in Ottakring. Tagebuch einer russischen Frau. Salzburg, 1933.* Мы цитируем это издание в нашем переводе с немецкого языка, с указанием страниц в скобках.

¹⁵ *Riggenbach H., Marti R.* «На книге стоит “Александра Рахманова”, но это не моя книга». Eine Raubübersetzung und ihre Kritik // Contributions suisses au XIV congrès mondial des slavistes à Ohrid. Bern, 2008. S. 197–214; *Riggenbach H.* Nachwort // *Rachmanowa A.* Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön. Salzburg, 2015. S. 271–300; *Riggenbach G.* Аля Рахманова — Галина фон Хойер: поэзия и правда. С. 131–163. Библиографическое описание наших статей см. в сноске 6.

¹⁶ В статье Г. Риггенбаха «Аля Рахманова — Галина фон Хойер: поэзия и правда» перипетии выдворения семьи Хойеров из СССР («изгнания», как они предпочитали это называть, хотя речь шла не о политической эмиграции, а о просроченных документах с видом на жительство у австрийского подданного А. Хойера) изложены с опорой на хранящийся в Швейцарии архив писательницы. Свидетельства этого «выдворения» в российских архивах еще ждут своего исследователя.

бездомных. Идти некуда, дорога завершилась тупиком. *Дóма* — во всей его многообразной старозаветной сущности — нет, само слово обесмысливается, утрачивает все привычные значения:

17 декабря 1925 г.

Наш поезд прибыл в Вену рано утром. Отмар¹⁷ взял оба наши чемодана, я малыша. Он был еще совсем заспанный и испуганно оглядывался по сторонам. Мы вышли с вокзала вместе с прочими пассажирами, которые рассеялись во все стороны. Многих ждали близкие. Нас никто не ждал, и мы не знали, куда нам идти. Мы зашли в парк неподалеку от вокзала и уселись на лавочку, слегка занесенную инеем. Чувство глубокого одиночества охватило мою душу. Со всех сторон до нас доносился шум большого города, сигналили автомобили, через парк шли люди, нагруженные пакетами, некоторые несли елочки. Явственно ощущалось приближение Рождества.

— У меня ручки замерзли, — сказал малыш. — Я хочу домой!

Домой! Слово прозвучало бессмысленно, фантастически.

— У нас только двести тридцать пять шиллингов. Мы сможем пойти только в самый дешевый отель, — не сразу отозвался Отмар.

— Я хочу есть и у меня уже и ножки замерзли, — пожаловался Юрка плачущим голосом (с. 9).

Безыскусная простота повествования в этом «дневниковом» тексте — кажущаяся. Сразу и четко указаны место, время, направление, действующие лица. Нулевой пункт, где кончается «нормальная жизнь» и начинается эмиграция, словно прорезан в предрассветной зимней мгле лазерным лучом. Вена, вокзал, скамейка — и страх, одиночество, затерянность среди людской толпы, в центре современной цивилизации. Вокзал и дешевый отель — хрестоматийные образы эмигрантской литературы, ее геопоэтические маркеры. Но А. Рахманова обдуманно меняет дату прибытия семьи Хойеров в Австрию: на самом деле оно состоялось позже, уже в январе 1926 г.¹⁸, а канун Рождества, как и наличие в семье Вагнеров маленького сына, не только усиливают мотив одиночества, но и явственно заставляют звучать еще один мотив — евангельский: Святого семейства, ужаса виффлемской резни, бегства в Египет; тоже хрестоматийно, канонически. Холод, одиночество, отчужденность ото всех и ото всего; ре-

¹⁷ Але Рахмановой недостаточно авторского псевдонима — в дневниковом романе имена действующих лиц, членов ее семьи, изменены: они носят фамилию Вагнер, муж (Арнульф) именуется Отмаром, сын (Александр, Шурка) — Юркой.

¹⁸ Это установил по архивным документам Г. Риггенбах, см.: *Риггенбах Г. Аля Рахманова — Галина фон Хойер: поэзия и правда*. С. 146.

акция ребенка отражает настроение взрослых: «Я не хочу тут жить!» «Здесь» («тут») уже отделено от «там» (дом), реальное пересечение границы навсегда отрезало от родины. Эмиграция — путь без возвращения. Горькой иронией для Али Рахмановой (фрау Вагнер в повествовании) звучит вопрос квартирного хозяина — коммуниста: «Когда вы поедете назад в Россию? Вы не могли бы как-нибудь нам помочь тоже перебраться туда? Собирайте-ка вещи и возвращайтесь обратно в Россию, пока у вас еще есть виза!» (с. 13).

Благодаря вплетенному в повествование евангельскому мотиву и вся книга о венской молочнице — в сущности, история успеха, успешной интеграции в европейскую жизнь — приобретает оттенок святочного рассказа. Если «Фабрика нового человека» не заинтересовала русское зарубежье, поскольку это было, в сущности, произведение советской литературы антибольшевистской направленности — не очень понятное эмигрантам и совсем не укладывающееся в представления о собственно эмигрантской литературе, то «Молочница в Оттакринге», будучи книгой эмигрантки о жизни в эмиграции, еще меньше соответствовала этим представлениям, потому что красная нить ее, через испытания и трудности, приводила героиню к процветанию на чужбине: почти оксюморон.

С оксюморонного переосмысления известного фразеологизма начинается путь героини к успеху. После кружения по лабиринтам Вены — по обычным урбанистическим кругам эмигрантского чистилища — семья Вагнеров находит «золотое дно» («Goldgrube»): решается взять в аренду молочную лавку. Трамвай привозит героев «совсем в другую Вену», с темными, не освещенными электричеством переулками, неотличимыми друг от друга. Описание сдаваемой лавки, ее хозяина и его семейства выглядит разительным контрастом к имперской, столичной Вене: жестяные рекламные щиты, засохшие сыры, увядшая зелень для супа и — откровенная дешевка — молочные бутылки, наполненные мукой. Фигура хозяина в синем переднике и черном колпаке на лысом черепе, как и следующая затем жанровая зарисовка, исполнены в той традиционной юмористической, почти фарсовой манере, в какой в русской литературе принято было изображать немцев.

Прием используется самый простой — антитезы, комического несоответствия между видимым (действительным) и теми похвалами, которые владелец лавки расточает своему заведению. Он постоянно повторяет фразеологизм «золотое дно», а поскольку существительные по-немецки пишутся с заглавной буквы, то Goldgrube выглядит как название. В реальности же: «По пустым

стойкам, по пустым коробам и жестянкам, которые были призваны создать впечатление изобилия, по запущенным витринам и грязным прилавкам сразу угадывалось, что магазин безнадежно провалился». «Золотое дно», — уверяет хозяин. «Ад», — заключает рассказчица (с. 23–24). И, посетив с десятков подобных «преисподних», одну из них Вагнеры берут в аренду. Это достоверный факт: полтора года Хойеры арендовали, чтобы выжить, молочную лавку в Вене. Но в беллетризованном тексте дневника Аля Рахманова совершает очередную подмену: лавка Хойеров находилась в дорогом и престижном венском квартале Веринг; Оттакринг был кварталом на фабричной окраине, в районе городской бедноты¹⁹. Так в обыгрываемый фразеологизм вводится еще и литературная аллюзия — горьковское «на дне».

Поворотные пункты в повествовании никак не маркированы, но они как разметка на дороге: город перестает быть лабиринтом, в жизни появляется выход — из эмигрантского тупика путь ведет через постепенную адаптацию к интеграции в «чужую свою» австрийскую жизнь. Эта столичная жизнь сразу увидена женскими глазами:

Громадные, сияющие тысячами огней дома, множество крошечных парков, несметное количество церквей, бесчисленные автомобили и трамваи, несущиеся под мостами, — как все это не похоже на мой родной тихий город, где порой не встретишь ни одного прохожего на улицах. А уж люди! Как они совсем по-другому одеты, чем у нас, насколько элегантнее и утонченнее, даже совсем простые работницы. Вон напротив меня блондиночка, ведь какая-нибудь простая продавщица, но я уверена, что сейчас во всей России не найдется ни одной женщины, одетой с таким тщанием и вкусом (с. 24).

Все силы Аля Рахманова направляет на то, чтобы подняться на социальном лифте «со дна» жизни на уровень среднего класса, на который она претендует как дипломированный специалист. Именно ей пришлось встать за прилавком и познать все тяготы и унижения этого занятия, в то время как муж должен был нострифицировать диплом советского вуза и получить ставку преподавателя (закрyti-

---

¹⁹ Полностью избавиться в дневниковом романе от реликтов дорогого буржуазного района писательнице все же не удастся, поскольку все ее самые яркие наблюдения связаны именно с «дамами из общества». Например, на фабричной окраине персонаж, демонстрирующий шелковые халаты для себя и супруга, мало представим.

ем лавки и переездом семейства в Зальцбург, где А. Хойер получил место гимназического учителя, заканчивается роман).

«Молочница в Оттакринге» — обозначенный как документальный (дневник) рассказ о преодолении временной, эмигрантской социокультурной идентичности и об обретении идентичности новой, австрийской — без отказа, впрочем, от русской идентичности. Более того, русская составляющая личности и жизненного опыта писательницы становится основой ее литературного творчества и в итоге — главной статьёй дохода семьи Хойеров. Галина Дюрягина-Хойер, изучавшая в Пермском университете филологию (в том числе у Владимира Вейдле²⁰) и довольно молодую по тем временам дисциплину, психологию (в Томском университете, во время эвакуации в годы Гражданской войны), собиравшаяся посвятить свою жизнь научной карьере, довольно подробно, с исследовательским интересом отрефлектировала процесс, когда через эмигрантские утраты и обретения совершается переориентация ценностей, идет перестройка личностной самооценки и, наконец, происходит интеграция в новое общество. Промежуточная, эмигрантская идентичность понимается А. Рахмановой как потеря своей «внутренней физиономии (личности)»: «... все окружающие меня люди видят во мне не то, что я есть на самом деле, а нечто совсем другое, даже противоположное» (с. 30).

Эмиграция — это неизбежность унижений, отчуждения, отверженности; эмигрант — изгнанник из отечества, но он и изгой в стране-реципиенте. Самым обидным, даже оскорбительным для молодой женщины, получившей университетское образование, — это было первое поколение в России, когда женщины после революции стали поступать в вузы, — оказалось общее представление о том, что она — как «все продавцы» — обманывает, обвешивает, обсчитывает покупателей. Дипломированный филолог и мелкая лавочница — это действительно не одно и то же. И это уже не комическое, а довольно драматическое несоответствие между видимым и действительным. Резкое понижение статуса — главное, с чем прежде всего сталкивается эмигрант. Эмигрантское сообщество, заметим, как раз и нужно для восстановления, хотя бы в его рамках, *status quo*, утраченной «статусности». Когда при Але Рахмановой (фрау Вагнер) говорят о ней в третьем лице как о «молочнице», она чувствует себя глубоко несчастной, само слово ее больно ранит:

²⁰ См. в нашей публикации (с приложением перевода фрагмента романа А. Рахмановой с нем. яз.): *Марченко Т.В. По параллельному руслу: об Але Рахмановой и ее автобиографической трилогии. С. 178.*

Я — молочница! Я хотела стать преподавательницей в университете, а превратилась в «молочницу»! Но я тут же взяла себя в руки. Поневоле понимаешь, что мечты и действительность не могут соединиться. И почему это я вообразила, что непременно должна стать университетским преподавателем? Жизнь сделала из меня молочницу, следовательно, нужно сделать все, чтобы стать хорошей, настоящей молочницей. Следует принимать жизнь такой, какая она есть, без вздохов и жалоб (с. 47).

Стоит заметить, однако, что, став молочницей, героиня получает шанс преодолеть национальную отъединенность от окружающих. Так, развозящий продукцию хлебозавода «Кроненброт» кучер приобрел привычку похлопывать ее по-приятельски по спине и ободрять житейскими рассказами, «в которых я, впрочем, — признается рассказчица, — не понимала ни слова, поскольку он говорил на чистейшем венском диалекте» (с. 47). Социальное сближение происходит быстрее на нижней ступени общества — у ее обитателей нет общего национального языка, но, безусловно, есть «классовое единство» (кучера-грузчика и продавщицы-молочницы). Проходит время, хлебник приезжает ежедневно «с одними и теми же забавными шутками», которые «я уже давным-давно дословно знаю наизусть» (с. 108): так происходит обучение языку. Постепенно и в дневниковых записях появляется все больше сугубо австрийских деталей, прежде всего названий еды (разные виды выпечки, блюд, сладостей и т.п.), но также и иных реалий венской жизни середины 1920-х гг.

А. Рахманова очень остро чувствует свое положение не столько эмигрантки (она жена австрийского гражданина), сколько иностранки: «Если бы я была “здешней”, все было бы намного проще». И приводит характерную реплику из разговора покупательниц: «Я вам вообще не советовала бы покупать у иностранцев. Кто их знает, кто они и откуда! И что им вообще тут надо?» (с. 34). Дети в своей непосредственности еще откровеннее, и юный покупатель (в котором еще до прихода к власти национал-социалистов ясно угадывается будущий маленький фюрер), уходя, не отказывает себе в удовольствии показать продавщице-иностранке язык: «Зачем вы вообще сюда явились? У нас и без вас полно безработных! Только хлеб у нас отнимаете!» (с. 68).

Книгу Али Рахмановой стоило бы изучать руководителям современных миграционных служб. Ее основной прием — неукоснительное противопоставление мнений, эмоций, событий — служит путеводной нитью по выживанию в чужой стране. Ужаснувшись

своему положению чужой, иностранки, Аля Рахманова приводит письмо от мамы из России: «... иногда останавливают меня на улице совсем незнакомые женщины и спрашивают о тебе. Это всеобщая любовь к тебе очень меня утешает и заставляет надеяться, что тебя и в чужой стране люди сумеют полюбить, как любили у нас» (с. 35). Аля Рахманова действует поистине профессионально, сочетая образование (психолог) с ремеслом продавщицы (работа с людьми): она создает вокруг себя атмосферу эмпатии, она становится конфиденткой для своих покупательниц и даже покупателей, она проявляет исключительную выдержку и самообладание в ситуациях недоверия, неприязни, откровенной враждебности. У нас нет свидетельств того, как вела дело в магазине реальная Галина Дюрягина (о ней сохранились воспоминания, как о даме с не лучшим характером), но писательница Аля Рахманова создает образцовое практическое пособие для адаптации эмигранта в чужой стране и успешной интеграции в ней.

Дневниковый роман «Молочница в Оттакринге» отнюдь не одномерен. Наряду с вереницей типов австрийской столицы А. Рахманова вводит нескольких сквозных персонажей — русских эмигрантов: жена преуспевающего буржуа Серафима Андреевна, «агент ГПУ» и «князь с громкой фамилией». Их существование в австрийской столице складывается по-разному, иногда они не могут преодолеть застарелые стереотипы и пройти элементарную адаптацию («становится только хуже», признается Серафима Андреевна), ускользая в эмиграцию внутреннюю — сферу чувств. Формально роман вбирает в себя еще целый ряд признаков русского «эмигрантского» романа: отношение к России как к «утраченному раю», ситуация «двоемирия» («Я живу двумя совершенно разными жизнями: одной днем в Австрии, другой — по ночам — в России»; с. 50), позволяющая восстановить этот «утраченный рай» простыми приемами — сна и воспоминания; рефлексия на тему «родина и свобода»; геопоэтика чужбины; стратегии выживания на чужбине — и главная из них для писательницы, церковь (в зальцбургский период жизни Галина Хойер приняла католичество). Как ни соблазнительно разобрать книгу по всем этим параметрам, в этой статье мы ограничимся лишь одним.

В своем беллетризованном дневнике писательница, муссируя ностальгическую тему, вспоминает родную литературу. Книга Али Рахмановой, как привыкли ее называть в европейском научном и научно-популярном дискурсе, построена по классическому автобиографическому образцу: автор основывается на

личном опыте, даже на эго-документе — на реальном дневнике, но выбирает оттуда только те факты, которые отвечают его «сверхзадаче». Аля Рахманова стремится создать привлекательный образ русской эмигрантки, органично ставшей частью социокультурной среды страны-реципиента, но не утратившей своих национальных черт, своей русскости. За Алей Рахмановой стоит Галина Дюрягина-Хойер, образованная провинциалка с классическим багажом русской дореволюционной культуры. Вольно или невольно, она не избегает цитирования, вводя русскую литературу на страницы своего автобиографического дневникового романа. Но за Алей Рахмановой стоит и переводчик, Арнульф Хойер, который, несмотря на хорошее и тоже профессиональное знакомство с русской классикой, не ощущает ее органично частью своего менталитета, своего языка. Стихотворные цитаты он переводит буквально, той «дурной прозой», которая не дает представления о поэтической прелести оригинала. Комментарии отсутствуют. Источник, как правило, назван, что только усугубляет чужеродность цитаты — неизвестное «варварское» имя, непонятно чем привлекательные строки. Однако одновременно этим цитированием «родной литературы» подчеркивается аутентичность дневника, его подлинно русское авторство.

Эти маркеры русскости, по всей видимости, в восприятии австрийского читателя мало чем отличающиеся от набранных латиницей сугубо русских понятий (кулич, пасха и т.п.) или даже просто русских реалий (например, монахи в клобуках с огромными наперсными крестами), при ближайшем рассмотрении оказываются не инкрустирующими текст расхожими цитатами. Обращение к русской литературе у Али Рахмановой всегда чрезвычайно обдуманное — а не просто спонтанно-дневниковое: вспомнилось — вставила. И не просто обдуманное — знакомые поэтические строки или хрестоматийные эпизоды обычно оказываются интерпретированными на свой лад, подчас приобретающими прямо противоположный смысл.

Так, в одной из записей (с. 188–193) воспроизводится жанровая сценка, когда маленький сын автора / героини Юрка вбегает в лавку: «Мама, мама! — закричал он возбужденно. — Там лошадь упала. Можно я пойду посмотрю?» Эта русская реплика становится поводом для знакомства с австрийцем, выучившим в плену русский язык и ставшим фанатичным поклонником Достоевского, увидевшим в нем свой «идеал»: «Мы, немцы, слишком умеренные, слишком посредственные. Человек повсюду должен переходить границы, по Достоевскому. Нам нужно у русских учиться жизни. Мы так мало

страдали. У русских нужно учиться страданию!» Аля Рахманова невольно вспоминает о гимназическом сочинении на тему: «Что, если бы Раскольников был немцем». Писательница повторяет свой детский ответ: он убрал бы комнату, выстирал белье, избавился от пустопорожних мечтаний и добился бы в жизни маленького успеха, хотя и не хватал бы звезд с неба. «Достоевский — мой любимый писатель», — признается она (и цитирует даже его публицистику и письма), но вступает в спор и со своим посетителем, и с европейской традицией прочтения Достоевского, полагая, что, заглянув в самые глубины человеческой души, писатель создал «фантастических героев, которые только говорят и думают, но не живут»; «их мысли погребены в подполье их душ, куда не заглядывает солнце». Но больше всего ее удручает почерпнутое у него европейцами представление о страдании как о неприменном атрибуте русской жизни и русской души, о привычке русского человека к страданию: «Почему русский народ должен страдать? У нас что, иные нервы? Иные плоть и кровь, иные чувства?» Аля Рахманова вступает в спор с любимым писателем задолго до приведенного выше эпизода, цитируя — дискутируя:

«В России нам всегда казалось, что в Западной Европе люди живут совсем по-другому, чем у нас, что это только мы, русские, никак не можем избавиться от нашей вечной жертвенности. Судьба забросила меня в Западную Европу, но в такой ее темный уголок, где люди не живут, а прозябают, где они с утра до ночи и с ночи до утра страдают, где слезы льются потоками...» (с. 60).

Тут как-то и Тютчев вспоминается (стихотворение «Слезы людские» цитируются целиком), и приходит твердое осознание: в страдании «все едины». Ответы Аля Рахманова находит в христианстве, не разделяя его на восточное и западное: «...разве Христос не един? Разве вера в него не объединяет, а разъединяет людей?»; «Тихо зазвонили колокола. Мощно, торжественно загудел орган. Женщина в черном, склонившаяся перед Спасителем, не моя мать, а чужая. И церковь чужая, и молитва чужая... Только ты, Спаситель, един повсюду — и страдания людские повсюду едины...» И А. Рахманова смело переписывает эпизод с упавшей лошастью («клячей» Достоевского, так потрясшей маленького Родиона Раскольникова) — взрослые объединяются в том, чтобы поднять ее, помочь ей, а дети, наблюдатели и участники сцены, получают урок любви ко всякой живой твари и в конечном итоге урок гуманизма.

Далеко не трафаретно вплавлены в текст «Молочницы» и поэтические строки. Философский «Sillantium» Тютчева неожиданно оказывается эпиграфом к женской истории Серафимы Андреевны. Александр Блок возникает в монологе князя-антибольшевика, конспективно отражающем «Подвиг» В. Набокова (1930):

И вот я отправляюсь в Россию, чтобы там умереть. <...> Пусть там в десять раз хуже, но зато там я буду дома! ... Конечно, визу мне не дадут, а я пойду прямо так, через границу, пусть в меня стреляют! Это все-таки Россия... Знаете стихи Блока:

Да, и такой, моя Россия,
Ты мне дороже, чем весь мир (с. 267).

В оригинале «Но и такой моя Россия, / Ты всех краев дороже мне», и, по всей видимости, неточность цитирования — не ошибка памяти или издержка перевода, а сознательный прием универсального противопоставления; Россия не может стоять в ряду с другими странами и государствами («краями»), а находится в абсолютной оппозиции ко всему миру.

Аля Рахманова с самого начала была нацелена на успех и именно как писательница: на первых страницах «Молочницы» ею высказана идея зарабатывать литературным трудом и даже предпринята первая безуспешная попытка: рассказ на русскую тему написан, переведен мужем на немецкий язык, отослан в газету — но отклонен за «мрачность». Начав торговать в лавке, перевидав множество людей, ведя дневник и сохраняя на его страницах массу типажей, происшествий, диалогов, писательница задумывается о превращении дневника в книгу, но не в простую, а в «гениальную». Читатель должен думать не о написавшем ее авторе, а о правде написанного в ней, словно эта книга вышла из самой глубины жизни и может всех тронуть. Героиня задает вопрос мужу: «А что, если бы я получила Нобелевскую премию? Что бы ты сказал? — Отмар подошел и пощупал мне пульс: — Нобелевскую премию? — спросил он. — Или у тебя жар, или ты сошла с ума. — Нобель же и хотел давать премию тем, у кого есть талант, но нет возможности работать. Он хотел помочь талантам, к которым немилосердна судьба. Дай мне немного помечтать! ... Я и сама знаю, что все это чепуха...» (с. 146). От скамейки в парке и пустопорожних мечтаний писательница действительно поднялась к самым высотам успеха. Нобелевскую премию Аля Рахманова не получила и даже не была на нее номинирована, хотя получила все, чего так и не обрел нобелевский лауреат Иван Бунин: громадные

тиражи, европейский успех, собственную виллу с открыточно прекрасным видом, путешествия на своем автомобиле...

Жизнь — это сопряжение противоположностей, почти оксюморонное, и на незатейливом приеме, как в фольклорной сказке «Худо, но хорошо», повествование «Молочницы» балансирует между темными и светлыми сторонами жизни, между радостями и огорчениями. Добиться этого нетрудно, поскольку повествование — дневниковое, и сменяющие друг друга записи чередуются с неукоснительностью маятника, от мрака к свету и обратно, подталкивая героиню к абсолютно позитивному солнечному финалу. Вот как автор / героиня цитирует (с. 146) стихотворение А.В. Кольцова «Песня» (1839); приводим для наглядности немецкий текст с переводом и поэтический оригинал:

Erhebe dich, so hoch du kannst,	Поднимись высоко, как только	Поднимись — что силы
entfalte deine Flügel,	можешь, расправь свои крылья,	Размахни крылами:
Vielleicht ist deine Freude	Может быть, твоя радость	Может, наша радость
nicht mehr fern!	уже не далеко!	Живет за горами.

Аля Рахманинова помнит (цитирует) строки кольцовской песни («В непогоду ветер воев, завывает») как призыв: действовать нужно самому, самому взлететь, потому что радость — рядом, не далеко, не за горами. У Кольцова смысл песни о «горемышной доле» совсем иной — радость, напротив, так далеко, «за горами», что ее можно и не дожидаться: «Доля ж, моя доля! Где ты запропала?» «За горами, за морями» — известный сказочный рефрен; финал кольцовской песни если не безнадежен, то вполне пессимистичен: «Если нет, у моря / Сядем да дождемся; / Без любви и с горем / Жизнью наживемся!» Именно на это эмигрантка из России, «иностранка», «торговка» в мелкой венской лавке решительно не согласна: жизнь без любви и в горе категорически противоречит ее принципам, несовместима с ее жизнелюбивой натурой. По переводу очевидно, что кольцовские строки Аля Рахманова пересказала по-своему. Вероятно, по-русски она цитировала песню о горемычной доле примерно так: «Поднимись высоко, размахни крылами: / Может, **твоя радость ждет не за горами!**» Именно так мог бы звучать девиз ее жизни.

Порой Але Рахмановой ничего не нужно переосмыслять, и она находит созвучные своему настроению строки в русской поэзии, цитируя их точно (с поправкой на переложение по-немецки). Такой счастливой находкой оказывается хрестоматийное стихотворение

А.Н. Плещеева «Сельская песня». Его настроение простой весенней радости («Травка зеленеет, / Солнышко блестит») становится определяющим в записи от 16 марта 1927 г. «Какая смеющаяся весна!»

Все тело болит, руки отваливаются, но перед моими глазами блестит свежей зеленью трава, сверкает лучами солнце, полыхает синевой небо.

Чему же я так радуюсь? Что случилось? Все то же, что и всегда, разве что в белье появились новые дыры. И все-таки на душе у меня праздник, и кажется, будто со мною случится что-то большое и радостное, потому что трава зеленая, небо синее, а солнце блестит (с. 213).

У этой радостной надежды есть как будто неожиданное родство — с пьесой Константина Симонова «Так и будет» 1944 г. Герой ее мечтает о том, чтобы после войны быть счастливым «только оттого, что светит солнце, что небо синее, а трава зеленая». Это и есть главные приметы человеческого счастья. Глубоко личное, субъективное переживание эмигрантки, занятой тяжелым физическим трудом, и отражение воистину всенародной веры в победу, надежды на уже близкую мирную жизнь совпадают дословно в художественных текстах современников, двух русских писателей, не знавших друг о друге. Понимание счастья, солидарное с безыскусным «детским» стихотворением Плещеева, — одинаковое: «В моем сердце щебечут птички, синеют небеса, зеленеет травка...» (с. 214). Птички — это плещеевская ласточка: «А ты песню спой, / Что из стран далеких / Принесла с собой». Но эту тему в записи, преисполненной ликованием весны, писательница предпочитает не развивать, ведь далекой страной для нее теперь стала родина, Россия. Когда Симонов писал свою пьесу для советского человека, Александр Хойер был призван в гитлеровскую армию. И стал «одним из многих» (так и называется двухтомная книга писательницы о нем), павших на полях Второй мировой войны. Он погиб в боях за Вену в апреле 1945 г. от русской пули. Простенькая «зеленая травка» уже постфактум оказывается вовлечена в другую большую и болезненную тему выбора русской эмиграции в годы Второй мировой войны — любовь к родине vs предательство, pro et contra большевистской России.

Еще один поэтический образ связан с прославленным стихотворением З.Н. Гиппиус «Песня» («Окно мое высоко над землею»; 1893). Обращает на себя внимание, что почти все цитируемые Рах-

мановой стихотворения (кроме блоковского «Грешить бесстыдно, беспробудно»), носят название «песни», что, безусловно, созвучно субъективному женскому лирическому рассказу от первого лица. «Декадентское», «ником не признаваемое», по ироничному воспоминанию Зинаиды Гиппиус, стихотворение со знаменитой финальной строкой «Мне нужно то, чего нет на свете», в дневниковом романе Али Рахмановой кажется прочитанным буквально и даже прямолинейно. Если сердце «жаждет чуда» — то чудо непременно должно совершиться. Однако не стоит упрекать автора «Молочницы в Оттакринге» в примитивном восприятии поэзии и в одномерности ее беллетристического опыта, хотя нельзя не признать, разумеется, что далекие от символистской эстетики и очень приближенные к социалистическому реализму с его оптимизмом, пафосом борьбы и, одновременно, проникнутые христианской моралью книги Али Рахмановой откровенно обращены к массовому читателю.

Но, повторимся, простодушие, открытость, искренность рассказа от первого лица («о жизни» — это прежде всего художественный прием. И эпиграф к рассказу о чуде из стихотворения Гиппиус — тоже прием. Гиппиус поразила современников «запредельностью» желаний: «пусть будет то, чего не бывает», «хочу, чего нет на свете»... Для Али Рахмановой то, чего нет на свете, — это возвращение на родину, свидание с близкими, обретение утраченного навеки отечества. Писательница не имела контактов со средой русской литературной эмиграции, главные силы которой были сосредоточены в Париже, хотя, возможно, знала об эмиграции З.Н. Гиппиус. Чудом можно было бы считать возвращение в Россию, встречу с оставленными родными и друзьями, обретение России прежней, дореволюционной — со всеми православными обрядами и обычаями. Описывая очередное житейское происшествие, Аля Рахманова дословно цитирует стихотворение Гиппиус; слышны в этой записи и другие поэтические отголоски, например, знаменитого лермонтовского стихотворения. Однако поэтический подтекст, все стихотворение целиком, растворенное в тексте записи от 16 апреля 1927 г., с «пустым и бледным» небом и «печалью безумной», придает простенькой истории громадный энергетический заряд, разворачивает от житейской мути к метафизике бытия. За эту душевную «подзарядку», за вид со дна жизни — прямо в распахнутые небеса и полюбил Алю Рахманову читатель.

Чудом стало творчество русской эмигрантки, которую оценил и вознес на вершину литературного Олимпа европейский читатель. О «чуде» грезил вся эмиграция, и В.Н. Бунина в 1934 г. воодушев-

ляла брата в Москве: «А в чудо я верю, что ни говори»²¹. О вере эмиграции в чудо свидетельствуют названные цитатами из писем статьи, публикации и даже целая книга, озаглавленная Олегом Коростелевым «Если чудо вообще возможно за границей...»²². Маленькое человеческое чудо из жизни русских эмигрантов в европейском зарубежье описала в своем дневниковом автобиографическом романе и Аля Рахманова, и эту запись (с. 229–232) с эпиграфом из стихотворения З.Н. Гиппиус в нашем переводе с немецкого языка мы прилагаем в качестве коды к настоящей работе.

Приложение

16 апреля 1927 г.

Но сердце хочет и просит чуда,
Чуда!

З. Гиппиус

Оптовый магазин, в который я пришла за яйцами, был закрыт, похоже, это наши часы спешат, и еще нет шести. Я примостилась на скамейке в соседнем парке, подождать, пока не откроют, не возвращаться же домой. Сколько в Вене таких крошечных парков! В эту рань он был совсем пустынным, только мальчишки из булочных пробегали с корзинами хлеба и торопились одинокие рабочие, зябко кутаясь в пальто, – утро выдалось на редкость промозглым. Моросил дождик, но сквозь серые клочья облаков проглядывало солнышко, обещая погожий денек.

Что за тьма-тьмушая птиц в этом крошечном парке! Глупые воробьи хлопотливо носятся туда-сюда с громким чириканьем, и чему они только радуются? Ах, ну да, ведь весна, и свежая травка такая зеленая, а красные и желтые цветы так славно пахнут...

Но разве способна эта пробуждающаяся к новой жизни и красоте природа усмирить мои тревоги и излечить мои печали? Способна ли она понять, почему великолепное весеннее цветение такой скорбью наполняет мое сердце?

Весна на чужбине! Не описать, какая меня охватила скорбь, когда я смотрела на молодые клейкие листочки, с такой радостью

²¹ Письмо хранится в фондах Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева (ОГЛИМТ. ОФ-3216/158. Ф. 14. Оп. 3. № 59а).

²² «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М., 2008.

тянущиеся навстречу жизни! Или это понимание того, что собственная жизнь пропала? Я словно дерево, с которого буря сорвала все листья, и мне стыдно за мое уродство на этом ликующем празднике природы...

Какая-то ворона, каркая, пролетает над парком, тяжело хлопая тяжелыми черными крыльями...

Солнце снова скрылось за облаками, припустил дождь, и я совсем замерзла в своем стареньком легком пальтишке. Когда же наконец откроется магазин? Завтра Пасха, мне нужно много яиц...

Две дамы спешат мимо, все в черном. Одна старая и худая, другая совсем молоденькая девушка, но с таким бледным личиком, какие бывают только у чахоточных. У них такие озабоченные и встревоженные лица, словно им и невдомек, что близится Пасха.

Пасха! Самый великий и радостный праздник в России! И никогда еще в жизни не была я так далека душой от того, что значит для всякого русского Воскресение Христово! Ни малейшей надежды когда-нибудь снова увидеть Россию, ни малейшей надежды снова повидать родителей, от которых вчера пришло такое горькое, безнадежно печальное письмо. Мама больна, отец болен, а дочка их неведомо где и никогда не увидится с ними.

Пасха! Сколько светлых, радостных воспоминаний связано для меня с этим праздником!

Сижу и прячу за громадным коробом для яиц лицо, чтобы прохожие не заметили, до чего же мне тоскливо. Ах, да зачем, от кого я прячусь, кто это будет здесь в шесть утра интересоваться выражением чужого лица? Тем, кто спешит сейчас в лавку или на работу, хватает своих забот и волнений. Те, у кого нет забот, нежатся сейчас в теплых мягких постелях...

Где же она, моя родина — с пасхальным звоном колоколов, с безбрежным разливом рек, со скромными белыми подснежниками, с суетой подготовки к великому празднику, с торжественным приглашением «Христос воскрес!»), со сдобными куличами и жирной пасхой, с красными крашеными яйцами? Нет, на сей раз Воскресение для меня не наступит. Такой великий, такой радостный праздник в России — и такой горький, унылый день для меня...

Из какого же далека шлю я тебе привет, моя родина, из какого хмурого сырого утра под чужим равнодушным небом и среди чужой ликующей природы... Я шлю тебе привет, в котором ты не нуждаешься и который никогда до тебя не долетит...

Листок, который был так безжалостно оторван от родимой ветки, тоскует по тебе; и если ты меня позабыла, Россия, и никогда

больше обо мне и не вспомнишь, то я-то люблю тебя, моя родная, как бы ни была велика боль, которую ты мне причиняешь; и сейчас мне хочется лишь одного — чтобы ты почувствовала, как я по тебе скучаю...

Дни летят. Мой сынишка уже перестает чувствовать себя русским; мой муж не может без горечи говорить о России, которая испортила ему жизнь, а я — я все так же люблю тебя и тебе приношу мои заботы и тоску, сегодня, в великий день Страстей Христовых...

Совсем я замерзла. Солнце окончательно спряталось. День оказался холодным и дождливым. Пора и в магазин, он уже наверняка открылся.

Ах, откуда именно сегодня мне пришло желание получить весточку с родины, из России? Почему?

Чудеса бывают. Со мной произошло настоящее, истинное чудо. Совершенно невероятное пасхальное чудо. Я купила целую корзину яиц, принесла домой, а распаковав, так и застыла, вынув одно яичко. На нем было написано русскими буквами: «Привет от земляков! Христос воскрес!»

Я долго не могла поверить своим глазам. Кто же мог это написать? Откуда, от кого получила я это поздравление с родины? Какой-то русский — может, его так же, как и меня, замучила тоска по России? Кто же послал мне это письмо, без марки и почтового штемпеля, на этом маленьком, драгоценном беленьком яичке?

Как же он знал, что именно мне оно попадется — и именно сегодня? Сегодня, когда я так растосковалась по родине, как никогда прежде?

Я расцеловала это поистине чудесное яичко, озарившее серый, безрадостный трудовой день. Оно напомнило мне, что все люди — братья, что даже в такую минуту, когда человек чувствует себя совершенно покинутым в мире, кто-то думает о нем; оно напомнило мне, что жизнь всегда открыта для чуда... наверное потому, что наша жизнь сама — великое, таинственное чудо!

Литература

Литературное наследство. Т. 110. И.А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1 / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 1183 с.

«Если чудо вообще возможно за границей...»: эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Русский путь, 2008. 816 с.

Марченко Т.В. Аля Рахманова: русская писательница как феномен немецкой литературы // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2014. № 5. С. 753–770.

Марченко Т.В. В ожидании «чуда»: нобелевские мытарства Дмитрия Мережковского // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2000. № 1. С. 25–35.

Марченко Т. «Не нужно ненавидеть, нужно только любить»: феномен Али Рахмановой // Pisarki Rosyjskiej Zagranicy w literaturze, kulturze i korespondencji. Seria «Luminarze Rosyjskiej Emigracji». T. VII / pod redakcją Barbary Kosak, Iwony Anny NDiaye. Olzstyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2016. S. 65–84.

Марченко Т.В. По параллельному руслу: об Але Рахмановой и ее автобиографической трилогии // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2017. № 7. С. 164–181.

Riggenbach G. Аля Рахманова — Галина фон Хойер: поэзия и правда // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2017. № 7. С. 131–163 [пер. с нем.]

Niqueux M. La Fabrique des hommes nouveaux (1935) d'Alia Rachmanova ou la résistance à la « nouvelle morale » // La revue russe. 2012. Vol. 39. P. 83–92.

Rachmanowa A. Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön: Tagebücher 1942 bis 1945 / Hrsg. von H. Riggenbach. Salzburg: Otto Müller, 2015. 320 s.

Riggenbach H. Der Nachlass von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer) in der Kantonsbibliothek Thurgau. Zürich: Jan Dusek, 2010. 72 s.

Riggenbach H. Inventar des Nachlasses von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer): Werke, Briefe, Tagebücher. Frauenfeld: Thurgauische Kantonsbibliothek, 1998. 55 s.

Riggenbach H., Marti R. «На книге стоит “Александра Рахманова”, но это не моя книга». Eine Raubübersetzung und ihre Kritik // Contributions suisses au XIV congrès mondial des slavistes à Ohrid. Bern: Peter Lang, 2008. P. 197–214.

Stahr I. Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring. Alja Rachmanowa. Wien: Amaltea Signum, 2012. 239 s.

References

“*Esli chudo voobshche vozmozhno za granitsej...*”: *epokha 1950-kh gg. v perepiske russkikh literatorov-emigrantov* [“If a miracle is possible abroad at all...”: Era of the 1950s in correspondence of Russian literary emigrants], ed., comp., intro. O.A. Korostelev. Moscow, Russkii put’ Publ., 2008. 816 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 110: I.A. Bunin. Noveye materialy i issledovaniia. Kn. 1 [Literary heritage. Vol. 110: I.A. Bunin. New Materials and Studies. Book 1], ed., comp. O.A. Korostelev, S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 1183 p. (In Russ.)

Marchenko T.V. Alia Rakhmanova: russkaia pisatel'nitsa kak fenomen nemetskoj literatury [Alja Rachmanowa: Russian writer as a phenomenon of German literature]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna* [Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad Annual], 2014, no. 5, pp. 753–770. (In Russ.)

Marchenko T. “Ne nuzhno nenavidet’, nuzhno tol’ko liubit’”: fenomen Ali Rakhmanovoi [“No need to hate, just love”: Alja Rachmanowa phenomenon], *Luminarze rosyjskiej emigracji. Pisarki Rosyjskiej Zagranicy w literaturze, kulturze i korespondencji*, eds. B. Kozak, I. A. NDiaye. Olzstyn, Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej Publ., 2016, pp. 65–84. (In Russ.)

Marchenko T.V. Po parallel’nomu ruslu: ob Ale Rakhmanovoi i ee avtobiograficheskoi trilogii [Along a parallel channel: About Alja Rachmanowa and her autobiographic trilogy]. *Ezhgodnik Doma ruskogo zarubezh’ia im. A. Solzhenitsyna* [Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad Annual], 2017, no. 7, pp. 164–181. (In Russ.)

Marchenko T.V. V ozhidanii “chuda”: nobelevskie mytarstva Dmitriia Merezhkovskogo [Waiting for a miracle: Nobel hardship of Dmitry Merezhkovsky]. *Izvestiia RAN. Seriia literatury i iazyka*, 2000, no. 1, pp. 25–35. (In Russ.)

Niqueux M. La Fabrique des hommes nouveaux (1935) d’ Alia Rachmanova ou la résistance à la “nouvelle morale”. *La revue russe*, 2012, vol. 39, pp. 83–92. (In French.)

Rachmanowa A. *Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön: Tagebücher 1942 bis 1945*, Hrsg. von H. Riggenbach. Salzburg, Otto Müller, 2015. 320 p. (In German).

Riggenbach H. Alia Rakhmanova — Galina fon Khoier: poeziia i pravda [Alja Rachmanowa — Galina von Hoyer: Poetry and truth]. *Ezhgodnik Doma ruskogo zarubezh’ia im. A. Solzhenitsyna* [Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad Annual], 2017, no. 7, pp. 131–163. (Transl. from German to Russ.)

Riggenbach H. *Der Nachlass von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer) in der Kantonsbibliothek Thurgau*. Zürich, Jan Dusek, 2010. 72 p.

Riggenbach H. *Inventar des Nachlasses von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer): Werke, Briefe, Tagebücher*. Frauenfeld, Thurgauische Kantonsbibliothek, 1998. 55 p. (In German).

Riggenbach H., Marti R. «Na knige stoit “Aleksandra Rakhmanova”, no eto ne moia kniga». Eine Raubübersetzung und ihre Kritik. *Contributions suisses au 14 congrès mondial des slavistes à Ohrid*, Bern, Peter Lang, 2008, pp. 197–214. (In German).

Stahr I. *Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring. Alja Rachmanowa*. Wien, Amaltea Signum, 2012. 239 p. (In German).

A miracle in a dairy shop: On a typology of an “emigrant” novel

© 2020, Tatiana Marchenko

Abstract: Alja Rachmanowa (real name Galina Dyuryagina-Hoyer) is a Russian writer with a European success in 1930s. Her books were published in German translation made by her husband Arnulf Hoyer, and still remain obscure in Russia. The phenomenon is rather fascinating from the point of view of typology of émigré prose. A novel “Milchfrau in Ottakring” (1933) of the prolific author of three dozen books was extremely popular, not only it remains relevant, but looks very modern as an “emigrant” novel of special type. In a diary form based on a personal experience, the writer sets out a story of success. A qualified philologist, Alja Rachmanowa (her literary pseudonym is usually referred to) was forced to become for a couple of years a saleswoman in a rented dairy shop. This experience of a “foreigner”, her national and sociocultural identity, adaptation, and ultimately successful integration are reflected in the diary autobiographical novel. The Russian component of the book in German whose author / heroine balances between the spheres of “own” and “stranger,” has driven a success of the “Milchfrau in Ottakring”. Russian realities, Russian mentality, nostalgia for the native country permeating the narration, especially attracted the readership. One of the important markers of “Russianness” is a citation of Russian literature, not in the form of a mere quotation, but as a rethinking, re-interpretation, a dispute with the classics. The article deals with some examples of such citing (F.M. Dostoevsky, A.V. Koltsov, A.N. Pleshcheev, Z.N. Gippius). A fragment of the novel in Russian translation is given in Annex.

Keywords: émigré prose, “emigrant” novel, Alja Rachmanowa, adaptation, integration, national and sociocultural identity, Russian literature, literary quote, literary translation

Information about the author: Tatiana Marchenko, Head of department, A. Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad; Leading Researcher, M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: tvmarch@mail.ru

Citation: Marchenko Tatiana. A miracle in a dairy shop: On a typology of an “emigrant” novel. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 337–359. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-337-359